

Сергей БЕЗРУКОВ: «Я чувствую потенцию на героев»

Беседовала Ирина Васильчикова

Его знают по работам в «Табакерке», Ермоловском театре, во МХАТ им. Чехова. Ему было 23, когда он получил Госпремию за роль Сергея Есенина. Режиссеры тоже обратили на него внимание. Его голосом в программе «Куклы» говорили почти все герои нынешнего политического истеблишмента. Но, несмотря на популярность, актер Сергей Безруков — пока еще человек открытый и доброжелательный.

— Начнем с истоков — с детства.

— Детство было хорошее, поскольку я не испытывал бед и лишений. Жили, правда, с родителями скромно. Сами понимаете, времена были сложные.

Где-то лет до восьми моим воспитанием занималась в основном мама, поскольку отец был на гастролях, в работе, в своих творческих планах. В школу я пошел с шести лет. А в пятом классе поступил в музыкальную школу (ДМШ № 79). И где-то класса с пятого со мной в основном занимался отец. Он играл со мной в футбол, брал с собой в театр, мы много путешествовали.

— Ты был заводным ребенком?

— Да, конечно. Хотя я был очень скромным, стеснительным. Но с друзьями я был заводилой. Любил рассказывать истории, пересказывать фильмы, мы в это играли. Было очень много разных игр. Я ставил спектакли, организовывал концерты... А на людях, в театре у отца я был очень скромным. Он замечал это. Ребенок из актерской семьи, по идее, должен быть немного развязным, даже наглым и невыносимым.

Я очень любил рисовать. И мне не было скучно с самим собой. Есть дети, у которых с самими собой тоска и безнадега такая, что хочется от скуки пойти на улицу, в компанию, тусоваться без дела. Меня тусовки не привлекали. Я мог лепить, рисовать, вырезать. Мне это было интересно.

— Как ты себя ощущаешь в статусе женатого человека?

— Замечательно! Ириша обладает всеми необходимыми женскими качествами. Она очень красивая, мудрая, умная, проницательная и главное — женственная. Наверное, только в такую женщину я и мог влюбиться.

— Два творческих человека редко уживаются вместе. Что ты на это скажешь?

— Из любого правила есть исключения, которые лишь подтверждают это правило. Другое дело, есть «распределение ролей» — кто в доме хозяин. Кто-то в большей степени занят, кто-то — в меньшей. Я занят больше. И пащу я очень много. Ириша совмещает и работу, и дом. Но работа она занята меньше. В основном это телевизионная, реклама — то, чего я себе не позволяю.

— И кто же дома хозяин?

— С моей стороны в данном случае, конечно же, демократия. С другой стороны... Думаю, все понятно, кто хозяин, за кем решающее слово.

— На твою взгляд, женщина должна работать?

— Ради бога. Это, мне кажется, нормально. Любой человек — личность. И женщина, и мужчина. Женщина, которая занимается только домом, бытом, которая подавлена и ничего, кроме этого не видит, для человека творческого рано или поздно станет неинтересна.

Когда женщина самореализуется — это хорошо. Правда, когда она забывает о семье, это тоже минус. Посуди сама: дети сидят некормленные, спать их никто не уложил, а женщина где-то реализует — это, на мой взгляд, тоже неправильно. Все должно быть в меру.

Времена деспотизма, подавления и патриархата прошли. Но и матриархат, по моему, — не самый лучший вариант.

— Ты играешь сейчас в спектакле своего отца «Ведьма». А втроем играть не пробовали?

— Задумки есть, но мы не гонимся за тем, чтобы создавать «клан» на сцене. Для нас главное — искусство. Это должно быть интересно, это должно быть событие. А как раньше говорили — «пристраивать» — никогда! Но если это работает на спектакль — почему бы и нет. Я за то, чтобы создать творческий скандал, когда на премьере ломают двери, когда за месяц до спектакля нет билетов, в зале — ажиотаж...

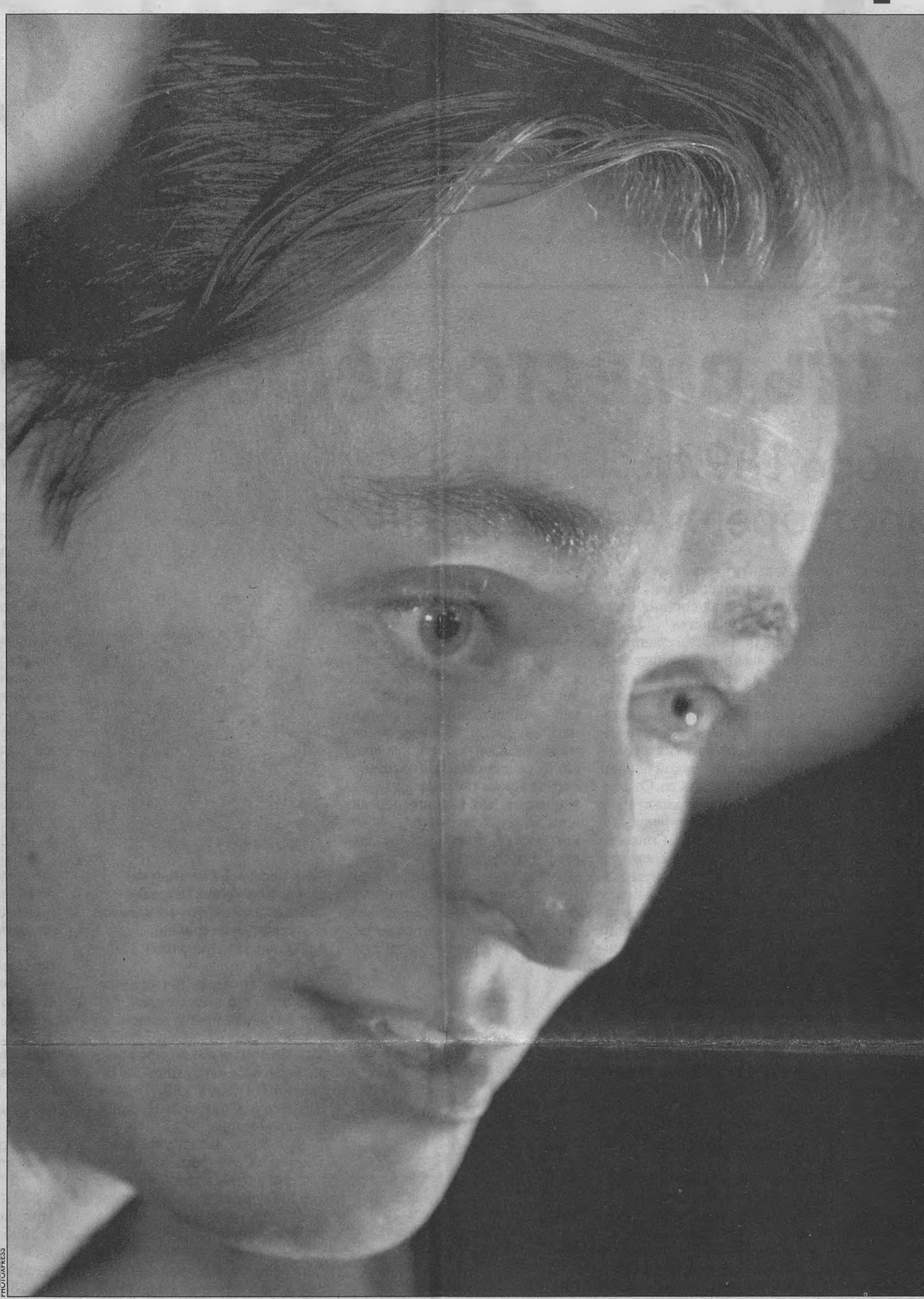
— Поклонницы, цветы — непереносимые атрибуты актерской профессии. Не возникает ли здесь проблем и непонимания со стороны второй половины?

— Да нет, нормально все. Если у актера есть поклонницы, значит, его искусство нужно не только узкому кругу родных и друзей. Тогда есть надежда, что ты действительно нужен хотя бы небольшой (скажу скромно) группе почитателей, которой нравится то, что ты делаешь в спектакле. Если я играю любовь на сцене, она передается в зал.

Есть девчонки, которые ходят на определенные спектакли. Кто-то на Есенина, кто-то на Моцарта. Кому-то нравятся комедийные роли, кому-то — Феликс Круль. Спектакль неоднозначный в плане моей энергетики. Там в конце просто страшный человек. Хотя в начале он милый и обаятельный. Кому-то нравится и такое. Может, это будоражит кровь? Не знаю.

— Ты не раздумывая решил продолжить семейную династию или были какие-то варианты при выборе профессии?

— Я еще до окончания школы определился, кем стану. Поэтому выбор не стоял. Сразу после школы я поступил в театральный, в Школу-студию МХАТ.

— Ты снялся в фильме «Если невеста ведьма». А сам как к подобным вещам относишься?

— Там я сыграл ученого, который исследует паранормальные явления. Он пишет на эту тему диссертацию. И вот он увидел однажды юную деревенскую девушку, которая всеми этими способностями обладает. Происходит преобразование человека, потому что он влюбляется в эту девушку. В нем борются человеческие чувства и инстинкт ученого.

Пока с этим не столкнешься в жизни, сложно давать какую-то оценку. Но то, что люди могут передавать чувства и мысли на расстоянии, в это я верю. Я это знаю. Порой любящие люди чувствуют друг друга потрясающе. Ты только о чем-то думаешь, а любимая это уже делает. Влюбленный человек летает. Он буквально парит над землей. То же своего рода левитация.

Если ты чего-то очень хочешь — исполнишься, или, наоборот, срывается «замок подлости». Наверное, это тоже не случайно.

Если верить в Бога, а я православный человек, то все эти предрассудки сами собой отпадают. Верить в Бога и молиться — это уже много. Ну и, конечно, надо прикладывать какие-то усилия для достижения цели. Под лежачий камень вода не течет. Человек должен работать. Я верю в то, что воздастся за труды. Надо добрее быть, не создавать злую ауру вокруг себя. Биополе человека есть. И это ощущается очень хорошо. Если тыходишь в контакт с чужим отрицательным биополем, это тебя разрушает. Надо как можно больше дарить добра, создавая доб-

рую, светлую ауру. В это я верю. А уж актер, обладающий «светлой» энергией, должен ее копить и поменьше общаться с теми, кто мог бы ее разрушить.

— И еще о кино. Какой была твоя реакция, когда ты прочитал сценарий фильма «Крестоносцы-2»?

— К сожалению, фильм не получился. Говорить о нем не хотелось бы, чтобы не обидеть кого-то, но задумка была неплохая. Моя роль там маленькая, хорошо было бы сделать на ней акцент побольше. Я мечтал на этом вообще построить все кино. Лавры Хофмана мне не дают покоя — так же как и лавры Табакова. Сыграть переодетым и на этом построить фильм — думаю, это будет интересно. В принципе получилась пародия на девочку. Те, кто видел, сказали: «Неплохо. Девчонка из тебя вышла бы настоящая». Мог бы получить вариант «Тутси-2». Жалко, что таких заявок в картину мало. Более или менее моя серьезная работа в кино — «Китайский сервис». Там уже я попытался сыграть человека, сложного и разного. Он не продвинулся в развитии. Я всегда недоволен своими работами в кино. Если в театре я за что-то спокоен, за что-то уверен, то в кино все иначе.

— Кризис в кино связан с отсутствием денег или героя?

— Я не думаю, что это связано с отсутствием героя. Если были бы деньги, герой нарисовался бы сам. Ведь есть герои Володи Машкова, Жени Миронова, Сергея Маковецкого, Олега Меньшикова... Все упирается в финансы. Что касается современного героя, я думаю, что это должен быть молодой человек, который талантлив во всем. Он практичный и в какой-то степени крутой. Но, помимо этого, он творческий человек и очень обаятельный.

— Поговорим о театре. Злодей Круля ты сыграл. Потом — гений Моцарт... — Я не могу сказать, что негодий мне ближе. Как же так? И потом, я все-таки стараюсь не красить одной краской своих героев. Феликс у меня в развитии. Он мучается, начинает походить на монстра. Потом, в конце, это чудовищный человек. Он приходит к фашизму. Тут вопрос стоит так: человек создает среду или среда делает человека? В данном случае все взаимосвязано. Здесь говорится об опасности, которая может преследовать человека, если он возмнит себя Богом, поверит, что ему все дозволено, что он лучше всех, что он может повелевать человеческой судьбой. Это самый опасный момент.

Что касается Моцарта. Мне приятнее его играть. Это родное, потому что Моцарт — мой любимый композитор. Давным-давно я был в Зальцбурге. Я был в доме, где родился Моцарт, я исходил весь Зальцбург вдоль и поперек. Был на кладбище Св. Себастьяна, где похоронены отец Моцарта и Констанция Вебер. Дом, в котором Моцарт написал «Волшебную флейту», к сожалению, не сохранился. Но на этом месте стоит обелиск. Моцарт, как и Есенин, — моя любимая роль. Конечно, я люблю все свои роли. Даже негодяев Клинкича и Ступака в «Анекдотах», Феликса, Глумова. Я трагичусь в этих спектаклях, иначе не может быть. Они твои, родные, ты их создал.

— Родители ходят на твои спектакли?

— Безусловно. Отец — мой первый зритель. Он ходит на каждый спектакль о Есенине, а я играю его уже семь лет. Он очень трепетно относится к образу Есенина. У отца была мечта сыграть его. Ему было 26 лет, когда он сыграл поэта в фильме Серкова «Анна Снегина». А в театре он так и не реализовал эту мечту. Он говорит: «Я хожу смотреть не на то, как ты играешь Есенина, я хожу смотреть на самого Есенина».

— После спектакля происходит «разбор полетов»?

— Конечно, это происходит. Каждый раз играешь по-новому, открываешь какие-то пласты. Актер — натура творческая. Он не может каждый раз играть одно и то же, не меняя ничего, и каждый раз стабильно хорошо. Это возможно лишь при наличии большого мастерства, опыта. Но существует вдохновение. Порой идут такие импровизации! До этого их не было, и в следующем спектакле не будет. А сегодня они есть и этим уникальны.

— Твоих коллег сейчас часто можно видеть в качестве ведущих каких-либо программ. Тебе не поступает предложений или ты просто не хочешь этим заниматься?

— Предлагали очень много раз. Но я отказываюсь. Так же, как и от рекламы. Да и вообще от того, что связано с телевидением. Я соглашаюсь принять участие в программе только в качестве гостя. В этом качестве можно появиться на экране. А вести программу или сниматься в рекламе — это не для меня. Я стараюсь не идти на поводу у времени и хвататься за всякую работу, лишь бы зарабо-

тать. Я никого не осуждаю. Если ты можешь заработать своей профессией, значит, тебе не греш цена. Не секрет, что актерская профессия — большая потеря. Ты можешь стать звездой, а можешь всю жизнь так и остаться в массовке. Я стараюсь выбирать. И если мне предлагают роль, которую я еще никогда не играл, и она мне интересна, то я буду работать как сумасшедший. Иногда, правда, соглашаюсь по-дружески, но, опять же, если только понравится роль.

— А как же твое участие в «Куклах»?

— Все, хватит! Из программы я ушел из-за имиджа. Это для меня сейчас один из главных вопросов, что несколько удивляет коллег по цеху. У нас об этом говорить как бы не принято. Но я считаю, что об этом должен помнить каждый актер. Он должен следить за своим имиджем, иначе отношение к нему станет несерьезным. Мне не хотелось бы, чтобы меня ассоциировали только с человеком, который может имитировать голоса политиков. У меня много настоящих серьезных ролей и предложений как в кино, так и в театре. Я уже вырос из «Кукол» давно!

— Тебе удалось пообщаться с кем-то из озвучиваемых вами персонажей?

— Да. Года два с половиной назад, 12 декабря, в День Конституции, я был приглашен в Кремль на банкет как лауреат Госпремии. Ко мне подошел Якушкин, попросил пройти к Татьяне Дьяченко. Она заулыбалась, потом представила меня Нане Иосифовне. Меня подвели к Ельцину. Я его голосом его же и поздравил, похлопал по плечу. Он немного оторопел, был удивлен, но ему пояснили, что это — Сергей Безруков, который его озвучивал в «Куклах». Борис Николаевич тогда тоже заулыбался, а Нанна Иосифовна сказала: «Вы — лучший, кто это делает у нас в стране, хотя можно еще точнее». И тут Черномырдин, который стоял рядом, добавил: «А вы встречайтесь почаще — будет совсем точно».

Также меня пригласили на день рождения Владимира Вольфовича Жириновского. Я подумал, что, уйдя из «Кукол», на это можно пойти. До этого я не принимал подобных предложений. Празднование проходило во Дворце молодежи. Голосом Владимира Вольфовича я приказал залу: «Члены ЛДПР, встать! Я спою вам гимн ЛДПР!» Весь зал поднялся, в том числе и Жириновский с семьей. Я запел:

Я немало по бабам хаживал
И доволен своею судьбой.
Наплевать мне
на мнение каждого:
Обвенчался
с родною женой.
Заверяю:
мой рейтинг не падает,
И в России он
самый большой.
Еще многих он
женщин порадует.
Снова в воздухе
пахнет весной!

В зале — шок. Потом Жириновский подошел к сцене. «Ну как?» — спросил я. «Спасибо, хорошо», — сухо ответил он и подарил свою кассету с автографом. Потом из ЛДПР звонили в театр и благодарили. Говорили, что, несмотря на остроту шуток, шефу очень понравилось.

— Актер кино и актер театра — это разные профессии?

— Безусловно, это разные профессии. Прекрасно, когда ты совмещаешь и то и другое. Это идеально. Хотя театральный актер не всегда может хорошо работать в кино. Это смотря какая театральная школа.

Для того чтобы играть в кино, должна быть внутренняя суперподготовка. Ты порой там должен сразу, с ходу что-то сыграть. Если в театре есть какое-то подобие жизни, за 2–3 часа можно это постепенно прожить, то в кино все идет дублями. В кино ты иногда общаешься не с партне-

ром, как на сцене, а с камерой. В уголке камеры ставят крестик и говорят: «Смотри сюда». Кино — мир, совершенно отличный от театра.

— Главное в судьбе актера: талант, постоянный ежедневный труд или везение?

— Труд. Помимо ремесла, которое существует в актерской профессии. Труд. Удача. Ремесло. Талант. Должны быть все составляющие.

— Существует мнение, что актеры — люди суверенные. Так ли это?

— Да, конечно, поскольку они очень ранимые.

— Есть ли какие-то театральные приметы?

— Говорят, что не нужно повторять перед спектаклем текст. Тогда все получится само собой. Если на сцене падаются гвозди, я обязательно их собираю. Говорят, что это к роли. Большой гвоздь — к большой роли. Но иногда рабочие на сцене просят огромное количество гвоздей, не уберут их. А собрать все просто невозможно. С другой стороны, чем меньше гвоздей, тем меньше ран. Травматизм присутствует: занозы, царапины, синяки, ушибы...

— Актеры также слышат мастерами розыгрышей...

— Я звонил в театр нашей секретарше и говорил голосом Табакова. Она аж вздрагивала: «Не надо!!! Я только что живьем наслушалась, а теперь еще и ты звонишь». Иногда просят что-то записать на автоответчик голосами политиков. Иногда я записывал голосами политиков поздравления. Эта кассета тут же становилась稀世珍宝. Это ж надо, президент поздравляет!

Если сравнивать с «зелеными концертами» (когда музыканты разыгрывают друг друга), то у нас это происходит постоянно. Есть вещи, просто незаметные для зрителя.

— Поговорим теперь о догме. Я знаю, что ты любишь рыбалку. Случались ли какие-то необычные трофеи?

— Как-то на Волге ловили с дедом на донку. Клянул лещ, я увидел только голову. И так растерялся, что решил достать его без сачка, просто взять за жабры. Но рыбе это не понравилось. Больше я его не видел. Это был самый большой лещ, которого я упустил. Всю неделю ходил потом убитый. Меня успокаивали, говорили, дескать, в любви повезет. Так, собственно говоря, и вышло!

Вообще больше всего люблю поплавковую рыбалку. Это настоящий азарт. А какое надо терпение... просто с ума сойти!

Это самое классное! Карпишки — такие агрессивные, маленькие. Или карасишки. Окуней ловили. Одно время — ротанов. Сейчас они куда-то пропали. Ловить карпишек и карасишек в деревне Ермолино — это просто потрясающе! Очень люблю природу саму по себе. А рыбалка — это часть природы. Иногда ловлю просто ради того, чтобы отпустить. Такой вот спортивный интерес, азарт. Хотя очень люблю карасей в сметане, стерляжку уху...

— Какие черты наиболее свойственны твоему характеру?

— Это сложно. Я не люблю подлости, предательства, наверное, как и все. Стараюсь быть для всех открытым. Зависти вроде бы во мне нет. Стараюсь сглаживать конфликты или обходить их. Может быть, это не всегда хорошо. Хотя бывают моменты, когда я стою на своем до конца и бываю очень упрямым. Люблю во всем атмосферу любви и творчества! Не люблю лицемерия, хамства и когда садятся на шею. Мой девиз «Давайте жить дружно!»

— Ты веришь в судьбу?

— Да.

— Какое событие в твоей жизни ты бы назвал обыкновенным чудом?

— То, что я сыграл Есенина, и зритель поверил, что на сцене живой поэт, а не актер! Девчонки пишут стихи, целые сборники, посвящая их мне. Хотят, чтобы я прочел и дал какую-то рецензию. То есть они отождествляют меня с этим великим поэтом. Это, конечно, очень приятно, только главное в жизни — все-таки оставаться самим собой.

Слова

Андрей Житинкин, режиссер:

— Я был рад встрече с Сергеем Безруковым, которая произошла 10 лет назад. Он сыграл главные роли во всех моих спектаклях, поставленных в «Табакерке». Первой нашей совместной работой был спектакль «Псих». Мне надо было выбрать актера на главную роль. Было два претендента — уже «звездный» Евгений Миронов и еще никому не известный Сережа Безруков. Я тогда сказал Табакову: «Как сыграет Миронов, я знаю. А вот как сыграет Безруков — будет интересно». И не ошибся. Уже тогда в нем было что-то необычное, интересное.

Сергей сыграл трагическую роль в моем спектакле «Старый квартал» по Теннесси Уильямсу. Потом замечательно показал эволюцию от солнечного мальчика до монстра в «Признании авантюриста Феликса Круля».

Я желаю ему только здоровья. Он — настоящая звезда, настоящий драматический актер. Те, кто знает его только по сериалам, пусть приходят в театр.

Он необычайно сильный человек. В финале спектакля «Псих» он каждый раз вешается на сцене. На такое способен только очень сильный человек.